

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ФИЗИЧЕСКУЮ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Пауль Калиниченко*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-4-77-37-44

Введение. В настоящей статье анализируются основные дискуссионные вопросы, связанные с реализацией права на генетическую целостность в контексте применения новых технологий в области генетики.

Материалы и методы. В ходе анализа применялись как классические для юриспруденции методы познания, так и малоизвестные в юриспруденции метод анализа косвенных данных и метод дискурс-анализа.

Результаты исследования. Особенность реализации права на целостность личности в сфере генома человека проявляется в формулировании производного права на генетическую целостность на основе концепции генома как достоинства человечества. Кроме того, для реализации права на целостность личности в сфере генома человека недостаточно существующих механизмов имплементации принципов правового положения личности, известных современному международному праву прав человека. С развитием генетических технологий в первой четверти XXI века стало ясно, что простого распространения международно-правового режима защиты основных прав на сферу генетики недостаточно. Реализация права на генетическую целостность и других генетических прав, таких как право на генетическую конфиденциальность, право на генетическую преемственность, требуют создания специального режима их защиты в терминах и категориях международного права.

Обсуждение и заключение. Современное развитие правозащитного направления в регулировании геномных исследований и применения генетических технологий на международном уровне требует становления и закрепления генетических прав человека в качестве особой группы новых соматических прав. Как и другие соматические права, генетические права человека берут основу в реализации права на целостность личности. Они закрепляются в качестве гарантий физической целостности в международных документах на международном региональном и международном универсальном уровнях. В настоящей статье обосновывается основополагающий характер права на генетическую целостность и права на генетическую непрерывность, делаются выводы о недостатках их закрепления и реализации в контексте права на физическую целостность личности.

* **Калиниченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
e-mail: pakalinichenko@msal.ru
ORCID ID: 0000-0002-0002-9618

Введение

Современное правовое регулирование генетических исследований и применения генетических технологий на международном универсальном и международном региональном уровнях развивается по трём основным направлениям: в области защиты прав человека, в сфере обеспечения безопасности и в области защиты интеллектуальной собственности. При этом правозащитное направление является магистральным и наиболее развитым с точки зрения юридического наполнения [1. С. 22].

Формирование этого направления было институционально поддержано с конца 1990-х гг. главным образом двумя международными организациями – ЮНЕСКО и Советом Европы. Первая из них действует на универсальном уровне и регулирует сферу защиты прав человека в рассматриваемой сфере путем принятия деклараций и рекомендаций, содержащих нормы международного мягкого права. Другая организация действует на европейском региональном уровне и, помимо создания рекомендательных норм, может предоставлять эгиду для международного правотворчества в соответствующей сфере взаимодействия. В сфере защиты прав в ходе генетических исследований и применения генетических технологий действует два международно-правовых документа, принятых в рамках Совета Европы: Конвенция Овьедо 1997 г.¹ и Дополнительный протокол к ней о генетическом тестировании в медицинских целях 2008 года.

На основе упомянутых документов ЮНЕСКО и Совета Европы, одновременно на международном универсальном и международном региональном уровнях проходит становление и практическое закрепление концепция генетических прав личности.

Исследование

Генетические гарантии права на физическую целостность

Проявление интереса со стороны международных структур к вопросам биомедицины и генетики человека стало неким ответом на общественные вызовы,

сформировавшиеся в виду бурного развития научных достижений в этих сферах и появлению новых технологий, таких как клонирование. Целью сформировавшегося регулирования было распространить существующие механизмы защиты основных прав на сферы биомедицины и генетики путём внедрения совокупности юридических гарантий, в первую очередь, способствующих реализации права на жизнь, уважения достоинства, частной жизни и активно формирующегося в тот период права на целостность личности.

В то же время, сферы биомедицины и генетики принципиально различаются не только в терминах и категориях биологии, но и в юридическом отношении. Если усилия в сфере биомедицины, предпринятые ЮНЕСКО и Советом Европы оказались относительно эффективными, поскольку затрагивали уже существующие международные и национальные меры и гарантии в сфере реализации права на физическую целостность, а также связанных с ним морфологических, репродуктивных и танатологических аспектов [4. С. 55], то в отношении сферы генетики человека однозначно об этом судить нельзя. Помимо создания общей юридической рамки из принципов и постулатов международного права прав человека и биоэтики, сфера человеческой генетики или генома человека потребовала формулирования и закрепления новой группы прав человека, генетических прав.

Наиболее выразительно этот момент отражается в Декларации ЮНЕСКО и геноме человека и правах человека 1997 г., в целях обеспечения уважения достоинства личности закрепляющей за человеческим геномом статус «достояния (или наследия) человечества» в качестве ключевой гарантии неприкосновенности генома человека, как биологического вида, и уникальности и целостности собственного генотипа каждого конкретного индивида (ст. 1 Декларации). Таким образом, данная Декларация ЮНЕСКО выводит право на физическую целостность личности на принципиально иной уровень, связанный не с защитой тела, его органов, тканей, биологических жидкостей или клеток, а с защитой его устройства на генетическом уровне от вторжения извне и возможностью распоряжаться своим генетическим строением самостоятельно². В этом и есть

¹ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, подписанная в Овьедо 4 апреля 1997 г.

² Этой же позиции придерживается и Совет Европы.

основной смысл права на генетическую целостность как составного правомочия права на целостность личности.

Право на генетическую целостность является ключевым, но не единственным правом в этой сфере. Три различные декларации ЮНЕСКО закладывают основу для формулирования на международном универсальном уровне целой группы новых прав в сфере генома человека³. Помимо права на генетическую целостность, к ним относятся право на генетическую конфиденциальность, право на генетическую информацию, право на генетическое консультирование, право на защиту от генетической дискриминации, право на равный доступ к достижениям генетики человека, право на генетическую преемственность.

Все перечисленные права относятся к категории соматических прав, т.к. напрямую касаются биологической сущности человека и вопросов обеспечения физической целостности индивида. Кроме того, генетические права человека относятся к категории новых прав человека или, как это принято называть в отечественной научной литературе, к «четвёртому поколению» прав человека. Содержание и реализация этой группы прав носит дуалистический характер. С одной стороны, такие новые права естественным образом касаются защиты физической сущности индивида, с другой стороны, это права, защищающие информационную составляющую биологического существа, выражающуюся в определенном наборе генетических данных. Подобный дуализм отражает специфику уклада современного информационного общества и отношений, возникающих в современную эпоху [2. С. 109].

Диссонанс закрепления генетических прав личности

Слабость современного нормативного регулирования генетических исследований и применения генетических технологий на международном универсальном и региональном уровне выражается не только в том, что оно принимает формы международного мягкого права за исключением нескольких положений европейских региональных соглашений и нескольких sporadических судебных прецедентов органов регионального интеграционного правосудия.

Содержательно, это регулирование носит весьма поверхностный характер и открыто формулирует только основные правила, включая лишь некоторые генетические права человека. Кроме того, оно носит откровенно догоняющий характер. Основные нормы приняты двадцать и более лет назад, они объективно не могут учитывать современный уровень технологического развития в рассматриваемой сфере.

В отечественной литературе такое догоняющее развитие принято объяснять прагматически, видя специфику в предмете правового регулирования. Эти отношения представляют собой своеобразную юридическую «целину», поскольку их ранее просто не существовало и все правовые конструкции, применяемые к их урегулированию, были перенесены из других смежных и схожих сфер регулирования. К тому же, эти новые отношения бурно развиваются и крайне изменчивы во времени, что делает бессмысленным их детальное регулирование в конкретный исторический момент, учитывая хронологическую затратность в принятии решений международными организациями [1. С. 23].

В зарубежной литературе существует иная точка зрения, объясняющая отставания правового регулирования сферы генома человека в абстрактной манере. Её представители также признают формирующийся и быстро изменяющийся характер новых общественных отношений, однако уверены в том, что право не должно гнаться за регулированием таких формирующихся отношений, поскольку это может нарушить целостность права как такового [13. Р. 354].

Представители этой точки зрения не уверены в способности современного международного права прав человека выступать в качестве основы для становления правового регулирования сферы генома. В частности, Р. Андорно с крайней осторожностью обосновывает концепцию генетических прав личности через широкую интерпретацию концепции уважения человеческого достоинства, заложенной в положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международных пактах 1966 г. При этом Р. Андорно скептически воспринимает возможность реализации принципа запрета дискриминации (недискриминации) в сфере генома

³ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. и Международная декларация о генетических данных человека 2003 г., Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 года

человека в том виде, в котором он предлагается современным международным правом прав человека. Ещё более фатально Р. Андорно рассматривает вопрос о запрете вмешательства в зародышевую линию человека. Этот запрет обеспечивает интересы будущих поколений, которые несубъектны с точки зрения права. В этой связи Р. Андорно резюмирует, что «чисто правозащитный подход бессилён перед этими новыми вызовами», поскольку права защищают только существующих индивидов, а не человечество [7. Р. 348].

Иного мнения придерживается Н. Коглан, его позиция близка к прагматизму в объяснении отставания правового регулирования рассматриваемой сферы. Он признаёт правильность избранного правозащитного дискурса в регулировании, но считает его лучшим из худшего, что может сегодня предложить правовая мысль для этих целей [11]. По мнению Н.Коглана, провал в регулировании сферы генома обнаружился с внедрением и применением на практике постгеномных технологий в середине прошлого десятилетия, и, в частности, CRISPR/Cas9. Современное правозащитное направление в регулировании сферы генома Н. Коглан представляет в виде дискурсивного поля, в котором, по его мнению, сталкиваются позиции консерваторов и либералов, а также стоящие за ними экзистенциальные общественные интересы [11]. Он, в частности, подчеркивает, что основным способом регулирования этой сферы даже в рамках правозащитного направления является наиболее простой и понятный способ установления запретов. Однако сами запреты могут быть интерпретированы по-разному. К условным консерваторам Н. Коглан относит Дж. Д. Арраса и Э. Фентон [8], Дж. Дж. Аннас, Л.Б. Андрюс и Р.М. Исаси [6], а также А. Бучанана [10] и Ю. Хабермаса [12]. Условных либералов он видит в А. Боггио и Р. Йотовой [9], Б. ван Беерс [14], Р. Андорно, Дж. Алмквист и Ц.П.Р. Романо [5].

Консервативная точка зрения зиждется на нерушимости генеральных подходов к формулированию принципов и основных прав человека на международном уровне, представляющих глобальный консенсус применительно к любой и сфер человеческой деятельности. Таким образом, например, положения ст. 24 Всеобщей декларации о человеческом геноме и правах человека 1997 г., а равно в региональном масштабе ст. 13 Конвенции Овьедо 1997 г., требующие пресекать любые практики, которые могут

противоречить человеческому достоинству, такие как вмешательство в зародышевую линию, могут быть интерпретированы только в двух смыслах. Во-первых, эта норма призвана защитить существование и природу человеческого вида и/или его целостность, предотвратить человеческую фрагментацию на основе генетических улучшений и разделения человечества на некое «сверхчеловечество» или «постчеловечество» и человечество с низкими способностями на основе естественных генов, обреченное на вымирание. Во-вторых, этот запрет защищает отдельных людей или группы людей от того, чтобы их использовали в своих интересах их родители или создатели, желающих появления потомства с определенными способностями или чертами [11].

Условные «либералы» полемизируют с этими постулатами, продвигая три аргумента. Во-первых, они рассматривают упомянутый запрет лишь в качестве ограничения прав, отрицая возможность присутствия в нём негативной формулировки новых прав. По их мнению, в рамках данного запрета «свобода изменять себя» и право на личное достоинство в контексте генетики, ограничиваются коллективными интересами и общественными императивами, что не позволяет формулировать самостоятельного субъективного права. Во-вторых, по их мнению, установленный запрет слишком примитивен и категоричен, он не может быть навсегда. Потребности как индивидов, так и общества диктуют необходимость рассматривать его в качестве моратория, т.е. временного запрета, который может быть пересмотрен в будущем. Наконец, в-третьих, помимо личностной автономии, этот запрет ограничивает слишком много других прав, включая свободу научных исследований, право на репродуктивное здоровье и право ребенка на здоровье. Это ставит вопрос о соответствии данного запрета международному праву прав человека в целом [11].

По-нашему мнению, прекрасный анализ, проведенный Н. Когланом имеет один недостаток. Полемика между условными «консерваторами» и условными «либералами» выглядит несколько надуманной. Первые, обращаясь к запрету вмешательства в зародышевую линию человека, ищут панацею для применения принципа недискриминации в сфере генома человека. Вторые, рассуждают о неабсолютном характере генетических прав и степени допустимости их ограничений. Эти подходы не являются полярными, они только подтверждают

исходный консенсус вокруг положений ст. 24 Декларации ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека и ст. 13 Конвенции Овьедо.

Недискриминация и генетическая непрерывность

Обратим внимание, что и Р. Андорно и Н. Коглан фокусируют внимание на двух проблемных моментах, которые проявляются в процессе распространения концепции международного права прав человека на сферу генома и формулирования генетических прав личности.

Первый из них касается применения в данной сфере принципа недискриминации. Р. Андорно совершенно зря сомневается в его применимости к сфере генома человека [7, Р. 337]. Дело в том, что дискриминация – это явление социальное, в то время как генетические черты имеют естественное биологическое происхождение. Преимущества и недостатки генетических черт в биологическом порядке и общественном понимании могут не совпадать. В этом нет ничего удивительного, есть и другие подобные дискриминирующие основания, имеющие биологическую природу, например, пол, возраст, ограниченные возможности, однако принцип недискриминации к ним применим. Юридически здесь вопрос стоит не в возможности или невозможности реализации принципа недискриминации, а в создании специфического механизма защиты от дискриминации на основе существующей в международном праве прав человека модели.

Этому есть примеры. В частности, глядя на положения ст. 21(1) Хартии ЕС об основных правах 2000 г., закрепляющие недискриминацию в зависимости от генетических черт и то, что для реализации этого положения за 25 лет ничего сделано не было, можно сказать, что есть определенные сложности в применении данного принципа в конкретной сфере. Лиссабонский договор, принятый через 7 лет после Хартии, вообще не внес это основание при формулировании общего принципа недискриминации в ст. 10 ДФЕС. Причина в том, что эти положения изначально были сформулированы слишком шаблонно и абстрактно. Рамочное регулирование, существующее в рассматриваемой сфере, не позволяет на сегодняшний день создать конкретные правовые

конструкции, обеспечивающие моральное равенство. Казалось бы, упомянутые выше Декларации ЮНЕСКО, закрепляя подход к запрету «дискриминации и стигматизации»⁴ дают некий рецепт для применения принципа недискриминации в данной сфере [3, С. 81]. Однако, как нам представляется, право не подвергаться дискриминации в сфере человеческого генома потребует более широкого механизма гарантий и процедур, которые могли бы отразиться для начала хотя бы в рекомендации ЮНЕСКО. Это необходимый вопрос в повестке развития генетических прав и правового регулирования соответствующей сферы.

Второй проблемный момент в формулировании концепции генетических прав личности на международном уровне заключается в генезисе запрета на вмешательство в зародышевую линию человека. Если Р. Андорно акцентирует внимание на несубъектности «будущих поколений» и делает вывод о недостаточности инструментария международного права прав человека для обоснования запрета [7, Р. 337], то Н. Коглан пытается найти несостыковки среди позиции противников этого запрета, чтобы в конечном итоге сформулировать его консенсусное оправдание с консервативных позиций [11]. Однако в итоге оба автора оставляют вопрос открытым.

По нашему мнению, позиция Н. Коглана ближе пониманию проблемы. Установленный в международных документах запрет на вмешательство в зародышевую линию человека носит более сложный характер и выступает одновременно ограничением одних прав и гарантией других.

Во-первых, запрет на вмешательство в зародышевую линию человека выступает в качестве гарантии права не подвергаться дискриминации по признаку генетических черт, а также права на генетическую целостность личности, которое выступает центральным генетическим правом человека и вытекает из рассмотренных выше положений Декларации ЮНЕСКО 1997 г. Кроме того, рассматриваемый запрет представляет собой негативную формулу права на генетическую непрерывность, т.е. права ничего не изменять в своём генотипе и передать его следующему поколению.

Во-вторых, запрет на вмешательство в зародышевую линию человека, в качестве гарантии генетических прав, выступает

⁴ Например, в ст. 7 Международной декларации о генетических данных человека от 16 октября 2003 г.

обоснованным ограничением других прав, носящих смежную природу, в т.ч. свободы научных исследований, права на репродуктивное здоровье и т.п. Важнейшим принципом международного права прав человека является то, что реализация одних прав обуславливает реализацию других прав человека. Рассматриваемый запрет, конечно, не может ограничивать уважение достоинства, но выступая в качестве гарантии реализации прав в конкретной предметной сфере – генетики, он явно может перекрывать «сайд-эффект» реализации смежных прав, происходящих из других областей – образования, здравоохранения, науки и пр.

Наконец, Декларация ЮНЕСКО 1997 г. и последующие документы в сфере генома человека, закрепляя концепцию генома как достояния (наследия) всего человечества, закладывает основу для признания коллективных прав в этой сфере и даже напрямую называет одно из них – право на равный доступ к достижениям в сфере генетики. Очевидно, что право на генетическую преимущество может быть индивидуальным, когда защиты требует генотип, и принимает формы коллективного права, когда речь идёт о защите генома человека.

Современное нормативное регулирование не может преодолеть казусный характер рассмотренных вопросов в виду устаревания нормативной базы, а также слабости механизмов международного мягкого права, которое даже в лексическом отношении зачастую может отличаться от привычных конструкций юриспруденции.

Генетические права человека в том виде, в каком они гарантируются в современном международном праве прав человека имеют три очевидных недостатка закрепления и реализации. Во-первых, они отражаются

и обеспечиваются в устаревшей нормативной базе. Во-вторых, сформировавшаяся в 1996-2008 гг. нормативная база в сфере генетических гарантий права на целостность личности, на которой базируются генетические права сегодня, крайне слаба с точки зрения формы закрепления и конкретизации их содержания. Она состоит преимущественно из актов международного мягкого права и создаёт исключительно рамочное регулирование. В-третьих, с развитием генетических технологий в первой четверти XXI века стало ясно, что простого распространения международно-правового режима защиты основных прав на сферу генетики недостаточно. Реализация права на генетическую целостность и других генетических прав требуют создания специального режима их защиты в терминах и категориях международного права.

Заключение

Особенность реализации права на целостность личности в сфере генома человека проявляется в формулировании производного права на генетическую целостность на основе концепции генома как достояния человечества. Кроме того, для реализации права на целостность личности в сфере генома человека недостаточно существующих механизмов имплементации принципов правового положения личности, известных современному международному праву прав человека. Всё это придает актуальность признания обособленного характера генетических прав личности и расширение их гарантий, способных заложить специфические начала в реализации права на физическую целостность на геномном уровне человека как биологической субстанции.

Примечание:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

Литература:

1. Калиниченко П.А. Глобальное и региональное регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: особенности предмета и подходов // Международный правовой курьер. 2020. Т. 3-4 (39-40).
2. Кубышкин А.В., Косилкин С.В. Международно-правовое регулирование генетических исследований и его имплементация в российское законодательство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25 (1).

3. Пономарёва Д.В. Противодействие генетической дискриминации: опыт государств-членов Африканского Союза // *Lex russica*. 2025. № 78(4).
4. Торкунова Е.А. Запрет евгенических практик в Европе: политико-правовые причины // *Московский журнал международного права*. 2024. № 4.
5. Almqvist J., Romano C.P.R. The Regulation of Human Germline Genome Modification in Europe // *Human Germline Genome Modification and the Right to Science: A Comparative Study of National Laws and Policies* / Eds. A. Boggio, C.P.R. Romano, J. Almqvist. Cambridge: Cambridge University Press. 2020.
6. Annas G.J., Andrews L.B., Isasi R.M. Protecting the Endangered Human: Toward an International Treaty Prohibiting Cloning and Inheritable Alterations // *American Journal of Law & Medicine*. 2002. Vol. 28.
7. Andorno R. The Relevance of Human Rights for Dealing with the Challenges Posed by Genetics // *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric* / Eds. A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge University Press. 2020.
8. Arras J.D., Fenton E. Bioethics & Human Rights: Access to Health-Related Goods // *The Hastings Center Report*. 2009. Vol. 39 (5).
9. Boggio A., Yotova R. Gene editing of human embryos is not contrary to human rights law: A reply to Drabiak // *Bioethics*. 2021. Vol. 35.
10. Buchanan A. Moral Status and Human Enhancement // *Philosophy & Public Affairs*. 2009. Vol. 37 (4).
11. Coghlan N. Heritable human genome editing: the bioethical battle for the basis and future of human rights // *Implications Philosophiques*. March 22, 2022. URL: <https://www.implications-philosophiques.org>.
12. Habermas J. *The Future of Human Nature*. Cambridge: Polity Press. 2003.
13. Sándor J. The Challenge of Genetics: Human Rights on the Molecular Level? // *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric* / Eds. A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge University Press. 2020.
14. Van Beers B. Rewriting the human genome, rewriting human rights law? Human rights, human dignity, and human germline modification in the CRISPR era // *Journal of Law and the Biosciences*. 2020. Vol. 7 (1).

SPECIFIC OF THE RIGHT TO PHYSICAL INTEGRITY EXERCISING IN THE HUMAN GENOME FIELD AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Introduction. *In this article the author analyzes the main controversial issues related to the right to genetic integrity implementation in the context of new technologies using in the genetic field.*

Materials and methods. *During the analysis, both classical methods of jurisprudence and little-known in jurisprudence methods of indirect data analysis and discourse analysis were used.*

Research results. *The specific of the right to the personal integrity implementation in the human genome sphere is manifested in the formulation of a derivative right to genetic integrity based on the concept of the genome as the heritage of mankind. In addition, the existing implementation instruments for the legal status of the individual according to modern international human rights law are not sufficient for the right to the personal integrity implementation in the human genome sphere.*

Human genetic rights as guaranteed in modern international human rights law have three obvious shortcomings in their formulation and implementation. Firstly, they are reflected and ensured in an outdated regulatory framework. Secondly, the regulatory framework in the sphere of genetic guarantees of the right to personal integrity, which was formed

in 1996-2008, is extremely weak in terms of the form of fixation and specification of their content. It consists mainly of acts international soft law acts and creates exclusively framework regulation. Thirdly, with the development of genetic technologies in the first quarter of the 21st century, it became clear that a simple extension of the international legal regime for the protection of fundamental rights to the sphere of genetics is not sufficient. The implementation of the right to genetic integrity and other genetic rights such as right to genetic privacy and right to genetic continuity requires the creation of a special regime for their protection in the terms and categories of international law.

Discussion and conclusion. *The modern development of the human rights direction at the international level in the regulation of genomic research and the using genetic technologies requires the human genetic rights formulation and fixing as a special group of new somatic rights. Like other somatic human rights, genetic rights are based on the right to the personal integrity implementation. They are enshrined as guarantees of physical integrity in international documents at the international regional and international universal levels. This article substanti-*

ates the fundamental nature of the right to genetic integrity and the right to genetic continuity, and draws conclusions about the shortcomings of their reflection and implementation in the context of the right to the physical integrity of the individual.

Paul A. Kalinichenko,
Doctor of Sciences (Law), Professor,
the Department of Integration
and European Law, Kutafin Moscow State
Law University, Moscow, Russia

Note:

The research was funded by the Russian Science Foundation (project № 25-28-00856), <https://rscf.ru/en/project/25-28-00856/>

Ключевые слова:

целостность личности, право на генетическую целостность личности, соматические права, генетические права, международные стандарты, право на генетическую непрерывность

Keywords:

personal integrity, right to personal genetic integrity, somatic rights, genetic rights, international standards, right to genetic continuity

References:

1. Kalinichenko P.A., 2020. Global'noye i regional'noye regulirovaniye issledovaniy i razrabotok v oblasti chelovecheskogo genoma i ikh prakticheskogo ispol'zovaniya: osobennosti predmeta i podkhodov [Global and regional regulation of research and development in the field of the human genome and their practical use: features of the subject and approaches]. *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer [International Legal Courier]*. Vol. 3-4 (39-40).
2. Kubyshkin A.V., Kosilkin S.V., 2021. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye geneticheskikh issledovaniy i yego implementatsiya v rossiyskoye zakonodatel'stvo [International legal regulation of genetic research and its implementation in Russian legislation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences]*. Vol. 25 (1).
3. Ponomarova D.V., 2025. Protivodeystviye geneticheskoy diskriminatsii: opyt gosudarstv-chlenov Afrikanskogo Soyuzha [Combating genetic discrimination: the experience of the African Union member states]. *Lex russica*. № 78(4).
4. Torkunova Ye.A., 2024. Zapret yevgenicheskikh praktik v Yevrope: politiko-pravovyye prichiny [Prohibition of eugenic practices in Europe: political and legal reasons]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 4.
5. Almqvist J., Romano C.P.R., 2020. The Regulation of Human Germline Genome Modification in Europe. *In: A. Boggio, C.P.R. Romano, J. Almqvist (eds.) Human Germline Genome Modification and the Right to Science: A Comparative Study of National Laws and Policies*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Annas G.J., Andrews L.B., Isasi R.M., 2002. Protecting the Endangered Human: Toward an International Treaty Prohibiting Cloning and Inheritable Alterations. *American Journal of Law & Medicine*. Vol. 28.
7. Andorno R., 2020. The Relevance of Human Rights for Dealing with the Challenges Posed by Genetics. *In: A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi (eds.) The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Arras J.D., Fenton E., 2009. Bioethics & Human Rights: Access to Health-Related Goods. *The Hastings Center Report*. Vol. 39 (5).
9. Boggio A., Yotova R., 2021. Gene editing of human embryos is not contrary to human rights law: A reply to Drabiak. *Bioethics*. Vol. 35.
10. Buchanan A., 2009. Moral Status and Human Enhancement. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 37 (4).
11. Coghlan N., 2022. Heritable human genome editing: the bioethical battle for the basis and future of human rights. *Implications Philosophiques*. March 22. URL: <https://www.implications-philosophiques.org>.
12. Habermas J., 2003. The Future of Human Nature. Cambridge: Polity Press.
13. Sándor J., 2020. The Challenge of Genetics: Human Rights on the Molecular Level? *In: A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. (eds.) The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Van Beers B., 2020. Rewriting the human genome, rewriting human rights law? Human rights, human dignity, and human germline modification in the CRISPR era. *Journal of Law and the Biosciences*. Vol. 7 (1).